

В.В. Сорокина (Москва, Россия)

Западноевропейская русистика в начале XXI века¹

Аннотация: Западноевропейская русистика после спада развития в конце 1990-х гг. за двадцать лет претерпела значительные качественные и количественные изменения. Они коснулись характера оценок русской литературы: он стал менее тенденциозным, появился интерес к творчеству молодых писателей, обладателей национальных литературных премий. Русский авангард рассматривается в контексте европейского литературного процесса.

Ключевые слова: западноевропейская русистика, русская классическая литература, постсоветская русская литература, западногерманское литературоведение, французское литературоведение, русский авангард

V.V. Sorokina (Moscow, Russia)

West European Studies in Russian Literature of the Early 21st century

Abstract: West European studies in russian literature after the recession in late 1990-is changed in quality and quantity during the following twenty years. The estimation of russian literature became less tendentious, the interest to the young writers, holders of national literary prizes, appeared. Russian avant-garde is regarded now in the context of the European literary process.

Key words: West European studies in russian literature, Classical russian literature, Post-Soviet russian literature, West-German literary criticism, French literary criticism, Russian avant-garde

За более чем двухсотлетнюю историю существования западноевропейской литературной русистики ей приходилось переживать разные периоды – от первичного накопления информационных материалов в самом начале через вполне естественную вторичность освоения иноязычной литературы и зависимость от русского литературоведения во второй половине XIX в. к вполне самостоятельной отрасли европейской филологии, окончательно сформировавшейся после Второй мировой войны.

¹ В основе статьи доклад, прочтенный на Ломоносовских чтениях 24 апреля 2017 г. (филологический факультет, пленарное заседание).

В это время литературоведение Западной Европы взяло курс на обобщение накопившегося за более чем вековой период опыт изучения русской литературы. Изменения общественно-политической ситуации в мире привело к тому, что внутри национальных школ изучения русской литературы произошли существенные изменения. Появились страны социалистического лагеря с идеологией, во многом зависящей от политики СССР. Оригинальным явлением стало литературоведение ГДР. Отношение к нему во многом двойное. С одной стороны, обращает на себя внимание определенная зависимость в оценке и выборе художественного материала от литературоведения СССР, с другой – огромная популяризаторская функция, позволившая западному читателю ознакомиться с переводами русской литературы на немецкий язык в более полном объеме, что, в свою очередь, усиливало интерес исследователей ФРГ к нашей литературе и таким образом способствовало более пристальному ее изучению.

Особенно больших успехов литературоведение ГДР достигло при исследовании трех периодов: древнерусской литературы – прежде всего литературы Киевской Руси; русской литературы эпохи Просвещения; русской литературы второй половины XIX в. В результате кропотливого труда А. и Х. Грасхофов впервые на немецком языке появились русские былины и полное собрание «Повести временных лет». Среди исследовательских работ заслуживает внимания публикация Р. Бройера «О немецко-русских литературных связях в средние века в области героической эпики» и Г. Штурма «Изображение человека в древнерусской и немецкой литературах». Важную роль в развитии русистики в Европе сыграл выход в 1965 г. «Истории русской классической литературы», ставшей основным справочным материалом по этому периоду в немецкоязычном мире, а также в 1973 г. книги К. Штедке «Изучение русского реализма XIX века».

В ФРГ публикации обобщающего характера появились значительно позднее – в 1980-е гг. (в 1982 г. «Русская драма» и в 1986 г. «Русская повесть» под ред. Б. Зеллинского; «Русская поэзия» под ред. К. Зеемана в 1982 г.).

В 1950–1960-е гг. европейское литературоведение в целом занимало исключительно малопривлекательную позицию, навязываемую американской советологией. Современная русская литература исключалась из русла всемирного развития литературы, а социалистический реализм выводился за рамки художественного метода.

Начиная с 1970-х гг. ситуация меняется: критика выдвигает как главную задачу не критиковать, не разоблачать, не полемизировать, а просто «восполнять дефицит информации» о современной русской литературе.

В интересе западноевропейского исследователя того времени, преимущественно западногерманского и французского, можно выделить следующие характерные особенности: противопоставление современной литературы русской классике, Серебряному веку и литературе 1920-х гг.; рассмотрение социалистического реализма как перерождающегося в «бытовой», а в случае сатирических произведений – в критический.

Базой, на которой развивалась русистика 1970–1980-х гг. в Европе, становятся специализированные журналы, продолжающие представлять различные авторитетные органы по изучению русской литературы. Во Франции это ежегодник Института славяноведения в Париже «Ревю дез этюд слав» («Revue des études slaves»), журнал «Ревю де литератур компаре» («Revue de littérature comparée»), где печатаются статьи о русско-французских литературных связях, библиография по вопросам междоународных связей от библиографического центра ЮНЕСКО. Отдельные статьи о

русско-французских литературных связях появляются в журналах «Русский мир» («Le monde russe»), а также в «Кайе дю монд рюс» («Cahiers du monde russe»). В немецкоязычном литературоведении крупнейшим центром восточноевропейских исследований является Мюнхен, где публикуется «Анцайгер дер славише филологии» («Anzeiger der slavische Philologie»), в Штуттгарте выходит общественно-политический и научный журнал «Остойропа» («Osteuropa»), в Гейдельберге – «Цайтшриффт фюр славише филологии» («Zeitschrift für slavische Philologie»), в Вене – «Винер славиштишер альманах» («Wiener Slavistischer Almanach») а в Берлине – «Цайтшриффт фюр славистик» («Zeitschrift für Slawistik»). К сожалению, этот наиболее известный берлинский журнал пережил тяжелые времена в начале века, а теперь практически не публикует материалы по русской литературе, сменив филологическую тематику на общественно-политическую.

К концу XX в. вследствие в первую очередь общественно-политических факторов ситуация резко изменяется, что вызвало беспокойство прежде всего в кругах европейских исследователей: они обратили внимание на резкое снижение научного интереса к русской литературе.

В самом начале нынешнего века один из авторитетнейших журналов по вопросам восточноевропейских исследований «Остойропа» опубликовал «Меморандум о состоянии славистики в Германии»¹. В нем говорится, что после невиданного подъема интереса ученых, издателей, читателей к русской литературе в период 1945–1995 гг., пришло время резкого (на 27%) снижения интереса, сокращения публикаций, переводов и дискуссий по вопросам русской литературы. Произошла переориентация многих издательств, сократились тиражи профильных периодических журналов, а некоторые, ориентированные исключительно на русскую аудиторию, вообще прекратили существование.

Французский журнал «Кайе дю монд рюс» за 1999 г. предложил подписчикам обзоры минимального количества публикаций о русской литературе. И в том же году выходит проблемная статья В. Кошмаля о состоянии и перспективах славистики², в которой автор обращает внимание на то, что проблемы современного изучения славянских литератур уже были заложены в недрах исторически сложившегося подхода к этому предмету, когда сформировалось два типа славяноведения – историко-научное и общественно-политическое. Это и привело, в конечном счете, к кризису профессии, ставшем следствием кризисов экономического и общественного. Интерес исследователей сместился в сторону второстепенности и «детальности» изучения, что практически стало исключать научную полемику, филология стала «подменяться культурологией». И это, по мнению автора, не могло не привести к утрате профессионализма.

В 2010-е гг. ученые опять вернулись к этой теме, усмотрев в состоянии славистики более глубокие процессы. В статье с красноречивым названием «Конец и возрождение филологии. Перспективы литературоведческой славистики» У. Шмид³ бьет тревогу по поводу вырождения славистики в политический инструмент, играющей роль моста между Западом и Востоком. Профессиональной славистике, по его мнению, «приходится продирается сквозь культурологическое нашествие на

¹ Schmid H., Berwanger K. Memorandum über die Lage der Slavistik in Deutschland // Osteuropa. Berlin; Stuttgart. 2005. Bd. 55. № 9. S. 122–129.

² Koschmal W. (Slavische) Literaturwissenschaft zwischen Selbst- und Fremdstimmung // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1999. Bd. 58. № 1. S. 1–18.

³ Schmid U. Ende und Neubegin der Philologie. Perspektiven für die Slavistik // Osteuropa. Berlin-Stuttgart. 2013. Bd. 63. № 2/3. S. 31–54.

филолого-исторические факультеты». Эта мысль развивается Р. Грюбелем, который полагает, что к началу XXI в. традиционная филологическая ориентация университетов утратила свою силу. Споры между литературоведами и лингвистами выродились в дискурсивную лингвистику, культурологические структурные исследования или в специфически национальные изыскания¹.

По прошествии десятилетий после начала упадка западноевропейской славистики можно говорить о том, что ситуация в литературоведении изменилась не только количественно, но и качественно. Очевиден рост научных публикаций по всем периодам русской литературы. Крупнейшие европейские исследовательские центры – Мюнхен, Вена, Париж, Амстердам, Берлин, Женева – сохранили приоритеты и продолжают издавать серийные монографии и периодику. Существенные изменения произошли и на качественном уровне: являясь неотъемлемой частью европейского литературного процесса, русистика не могла не впитать в себя достижения новых постмодернистских методов изучения художественного произведения, все более воспринимаемого исследователями как «текст».

Вследствие опять же общемировых процессов принципиально изменился качественный состав исследователей, что привело к возникновению проблемы национального литературоведения, до сих пор не существовавшей. Во время наивысшего расцвета русистики в Европе во второй половине XX в. был обозначен тематический и идеологический интерес разных национальных школ. Например, французская литературоведческая русистика в основном ориентировалась на изучение русской классики и литературы Серебряного века (особенно символизма). Очевиден вклад в изучение этих периодов и литературоведения ГДР (К. Эберт, К. Штедке). С одной стороны, западногерманские исследователи, ориентируясь на англо-американскую советологию, обрушивались на эстетические принципы социалистического реализма (К. Аймермахер, Й. Хольтхузен, К. Менерт, К. Можейко), а с другой, демонстрировали поистине новаторские открытия в изучении произведений русских писателей, чье творчество не находило должного внимания в советском литературоведении: Е. Замятина, М. Булгакова, А. Платонова, М. Зощенко, О. Мандельштама, а также Д. Пригова, И. Бродского и др. Ведь именно в Германии в 1970–1980-е гг. впервые вышли монографии об этих писателях Б. Мюллера, А. Ханзен-Лёве, Н. Франца, В. Казака, Х. Гюнтера, Й. Майхеля и др.

С наступлением XXI в. ситуация значительно изменилась. Теперь уже не приходится говорить о национальной специфике европейского литературоведения. Немцы издаются в Амстердаме на английском языке, французские журналы предоставлены россиянам, украинцам, сербам, австрийцам, в Мюнхенском восточноевропейском институте работают китайцы, американцы, наши соотечественники.

В последние годы выходцы из бывшего СССР активно работают в европейских центрах русистики, занимаются самостоятельным литературным творчеством. Это послужило поводом к созданию «Союза русских писателей в Германии» во главе с Владимиром Батшевым. Этим союзом во Франкфурте издается с 1998 г. ежемесячный журнал «Литературный европеец». В нем публикуются проза, стихи, материалы об искусстве, литературная критика (обзоры, рецензии), мемуарная литература. Главной задачей журнал считает «сохранение русской зарубежной литературы, обобщение ее опыта, развитие литературных традиций эмиграции на

¹ Grübel R. «Čto (ne)delat» – «Was (nicht)tun?» Warum Normen und Standarts in der Slavistik gegenwärtig ein Problem sind // Journal of Literary Theory. 2011. № 1. S. 195–208.

сегодняшнем этапе, противостояние негативным тенденциям новой подконтрольной властям российской литературы»¹.

Получается, что качественный состав современной русистики – это сочетание специалистов, подготовленных в национальных европейских школах, ученых с российским образованием, выходцев из русской эмигрантской среды во втором и даже в третьем поколении. Таким образом, внелитературные факторы оказали существеннейшее влияние на литературно-критический процесс конца XX в. в Европе, но не изменили его совершенно. Многое осталось и развилось в новых условиях. Это прежде всего касается жанровых форм, среди которых монографические исследования занимают важнейшее место. В начале этого века уже практически невозможно встретить отдельное издание книги вне известных научных серий, как правило принадлежащих тому или иному учебному или исследовательскому учреждению; не составляют исключения и электронные книги, соперничающие с традиционными формами².

Серьезную конкуренцию сериальным монографическим изданиям составляют статьи в журналах, альманахах, а также сборниках, посвященных юбилею известного русиста или съездам, симпозиумам, конференциям на заданную тему³. Можно сказать, что научная статья стала основной жанровой формой западноевропейской русистики, особенно если речь идет об изучении классической литературы и произведений первой половины XX в.

Освещение современного литературного процесса в России занимает важное место в западноевропейской критике, но материалы о нем в основном публикуются в журналах, посвященных вопросам культуры и общественной жизни, центральным из которых по-прежнему, как и пятьдесят лет тому назад, остается немецкоязычная «Остойропа». После смены руководства в 2002 г. и переезда редакции из Штуттгарта в Берлин сменился и многолетний автор публикаций о современной русской литературе В. Казак. Вследствие этого пришедший ему на смену К. Каспер иначе построил свою работу. Практически в каждом номере стали публиковаться сведения о лауреатах многочисленных российских литературных премий, рейтинги писателей и библиография переводов русской литературы на немецкий язык. Аналитических обзоров стало меньше, и они представляют скорее резюме статей российских критиков, чем самостоятельные оценки, как это были при В. Казаке, патриархе западногерманской русистики.

Русскоязычная читающая публика может пополнить свои знания о современной русской литературе из таких источников, как «Грани», «Вече», «Мосты», а франкоязычная – в основном из «Кайе дю монд рус». Выходящий на английском, русском и других славянских языках в Амстердаме журнал «Рашн литераче» объединяет литературных критиков всей Европы. В этих периодических изданиях можно встретить справочно-библиографические материалы, рецензии, речи, репортажи

¹ Литературный европеец. Ежемесячный журнал Союза русских писателей в Германии. Frankfurt a. M., 1998. № 1. С. 3.

² См. публикации в следующих серийных изданиях: *Beiträge zur russischen Literatur; Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik; Slavistische Forschungen; Cultures et sociétés de l'Est; Slavica Helvetica; Slavische Literatur; Baden-Baden Beiträge zur russischen Literatur. Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte* и др.

³ Например: *Slavistik in Tübingen: Jubiläumsband zu Ludolf Müller. Skripten des Slavischen Seminars der Universität Tübingen. Tübingen. 2003. № 36. 115 S.*; *Figures de l'emgré russe en France en XIXe et XXe siècle: fiction et réalité. Series: Internationale Forschungen zur allgemeinen und vergleichenden Literaturwissenschaft. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 2012 (ebook).*

с юбилеев, юбилейные статьи, некрологи, публицистические эссе, воспоминания, отзывы одного писателя о другом. Особое место в периодической печати занимает информация о литературной жизни в России. В последнее время европейцы особо пристально приглядываются к российским литературным премиям.

В журнале «Остойропа» регулярно публикуются аналитические обзоры результатов присуждения литературных премий в России, сопровождаемые обильным справочным и статистическим материалом, представляемым в разнообразных таблицах и графиках¹. И хотя порой замечания критиков довольно эмоциональны и ироничны («фавориты вкуса публики», «чехарда литературных звезд»), нужно признать, что в этих публикациях дается обобщенная подробная картина литературной жизни России соответствующего периода.

Аналитические обзоры логически дополняются многочисленными рецензиями, призванными не только информировать читателя о выходе книги или поступлении ее в магазин, но и показать произведение в «контексте» окружающей его жизни. Рецензия, как правило, небольшая по объему, поэтому суждение высказывается четко и прямолинейно, к тому же благодаря ей можно узнать о книгах, вышедших в других странах и на других языках.

Как видно из вышеизложенного, изменения на формальном уровне не претерпели значительных колебаний – сохранены основные литературно-критические формы, обогащенные новыми технологическими особенностями.

Несколько иная картина на содержательном уровне. Преемственность русистики прошлых периодов выражается прежде всего в сохранении приоритета интересующих ее тем. Как и прежде основной материал касается классической литературы XIX в., литературы Серебряного века и 1920-х гг., а также современного литературного процесса. Осуществляется переиздание наиболее значительных книг, вышедших в 1970–1980 гг., что, несомненно, свидетельствует о преемственности литературно-критического процесса в Европе².

Если в XX в. лучшие образцы западной критики ориентировались на философскую составляющую русской литературы: Достоевский как религиозный мыслитель, Толстой как выразитель народного духа, Чехов – знаток души человеческой; то теперь все большее место занимают работы, посвященные скорее более второстепенным и менее филологическим вопросам: интимной стороне жизни писателей, воплощению отдельных образов (смерти, сна, тела, ужаса, террора, сумасшествия)³. Литературно-критическая судьба А. Пушкина в Западной Евро-

¹ См.: *Kasper K.* Vorwärts zur Retrokultur! Russische Literatur und Literaturpreise 2009 // *Osteuropa*. 2010. № 6. S. 131–160; *Kasper K.* Wechseljahre. Ein Kaleidoskop der neuen russischen Literatur // *Osteuropa*. 2013. № 8. S. 59–94.

² *Depretto C.* Le formalisme en Russie. P.: Institut d'études slaves, 2009; *Gerigk H.-J.* Ein Master aus Russland: Beziehungsfelder der Wirkung Dostojewskijs: vierzehn Essays. Heidelberg, 2010; *Gerigk H.-J.* Staat und Revolution in russischen Roman des 20. Jahrhunderts 1900–1925. Eine historische und poetologische Studie. Heidelberg: Mattes, 2005; *Rammelmeyer A.* Aufsätze zur russischer Literatur und Geistesgeschichte. Wiesbaden, 2000. Opera slavica. NF 37.

³ См.: *Ludger U.* Das Verbrechen als «Unglück» Zum Volksbegriff in F.M. Dostoevskijs «Zapiski iz mertvogo doma» // *Slavica Litteraria*. Festschrift für Gerhard Gieseemann zum 65 Geburtstag. Wiesbaden, 2002. Opera slavica. NF 43. S. 271–278; *Sach M.* Ein literarische Modell des Terrors. Die Gestalt des Petr Verchovenskij in Dostoevskijs Roman «Besy» im Spannungsfeld von Geschichte und Literatur // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Heidelberg, 2011. № 1. S. 67–112; *Un autre Tolstoï / Red. C. Depretto.* Paris: Institut d'études slaves, 2012. 288 p.; *Günther H.* Die stumme Sprache des Begehres: Nonverbale erotische Kommunikation in Tolstojs Erzählungen 'D'javol' und 'Otec Sergij' // *Wiener Slavistischer Almanach*. Wien, 2009. № 64. S. 35–56; *Kasack W.* Sterben und Tod im Schaffen Lev Tolstojs // *Zeitschrift für Sla-*

пе всегда не соответствовала уровню востребованности творчества писателя на родине, поэтому особенно важно отметить, что в последние десятилетия интерес к его творчеству возрос. Здесь немаловажную роль сыграли изменения в самом литературоведении, изменившем взгляд на художественное произведение в целом. Объектом исследования начиная с середины XX в. все больше становится «текст», а процесс его анализа превращается в расшифровку форм и знаковых систем, из которых слагается некий гипертекст всей литературы. Отсюда и возрастание интереса к проблемам интертекстуальности, описанию структур, выявлению скрытого смысла. И здесь творчество А. Пушкина становится богатым материалом для подобного рода опытов. Особенно привлекает исследователей связь творчества русского классика с европейскими писателями эпохи романтизма и русской постмодернистской литературой конца XX в.¹

Традиционный интерес к литературе Серебряного века и русского авангарда изменил идеологический вектор. Если в 1970–1980-е гг. основной акцент в изучении этого периода русской литературы делался на противопоставлении ее всей последующей, то теперь исследователей привлекает новаторский пафос этой литературы и форма, что несомненно указывает на влияние русской формальной школы на методы исследования художественного текста западноевропейскими учеными-славистами, а также на послевоенный структурализм.

Русская литература этого периода начинает восприниматься в контексте западноевропейского модернизма как эстетическая макроэпоха. Это проявляется в том, что ученые стараются выявлять ее специфику в сопоставлении с европейской литературой, отсюда и возрастание количества сопоставительных работ. Был даже создан научный проект «Эксперимент свободы. Русский модернизм в сопоставлении с европейским»², объединивший ученых разных стран и научных школ. Од-

vische Philologie. Heidelberg, 2002. № 1. S. 107–135; *Грюбель Р.* Телесное время войны и конструкт русского духа у Толстого. Отношение между телом, духом и душой в романе «Война и мир» // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2004. № 54. S. 131–164; *Reich L.* Miss GULAG und die Rolle des Weiblichen Körpers in der russischen Literatur: von Anton Čechov bis Evgenija Ginzburg: mit einem Nachwort zu den Pussy Riots Series: Europäische Hochschulschriften. Reihe XVIII. Vergleichende Literaturwissenschaften. Bd. 135. Frankfurt a. M.: Peter Lang Verl., 2013; *Peters J.-U.* Melancholische Reflexion und utopischer Vorschein. Čechovs späte Prosa und ihre frühe Rezeption in Russland während des Fin de Siècle // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2012. № 70. S. 65–93; *Hansen-Löwe A.* Grundzüge einer Thanatopoetik. Russische Beispiele von Puškin bis Čechov // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2007. № 60. S. 7–78; *Entre les genres: l'écriture de l'intime dans la littérature russe XIXe – XXe siècles / Sous la direction de C. Depretto.* Paris: Inst. d'études slaves, 2008. P. 299–466 (*Revue des études slaves.* V. 79).

¹ *Kissel W.S.* Der Kult des toten Dichters und die russische Moderne. Puškin – Block – Majakovskij. Köln (Weimar); Wien: Böhlau Verlag, 2004 (Slavistische Forschungen. Bd. 45); *Aleksandr S.* Puškin, sein literarisches Werk in russischen und europäischen Kontext. Köln: Böhlau, 2014 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. Bd. 80); *Gerick H.-J.* Zerebrale Spiele: Von E.T.A. Hoffmann über Puškin, Gogol und Dostojevskij zu Belyjs «Petersburg» // Scholae et symposium. Festschrift für Hans Rötthe zum 75 Geburtstag / Hrsg. von Peter Thiergen. Köln: Böhlau, 2003 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. Bd. 44). S. 27–36; *Peters J.-U.* Puškins «Evgenij Onegin» und der Diskurs der Postmoderne: Hermeneutische und rezeptionsästhetische Überlegungen zu Monika Greenleafs Monographie «Puškin and Romantic Fashion» // Zeitschrift für Slavistik. 2002. № 4(47). S. 469–478; *Schruba M.* Intertextuelles und Poetologisches zum «uznik» A.S. Puškins // Zeitschrift für Slavistik. Berlin, 2002. № 4. S. 423–431; *Strätling S.* Hypermnemonik. Puškin-Bilder bei Dovlatov, Bitov und Sorokin // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2000. № 45. S. 151–174.

² *Russische Moderne Interkulturell. Von der Blauen Blume zum Schwarzen Quadrat / Barbara Aufschnaiter und Dunja Brötz (Hrsg.).* Innsbruck, 2004. 265 S.

ной из его задач стало освоение потенциала русского модернизма на благо европейского и оценка его в новом масштабе и в сравнительном аспекте. Материалы этого проекта доказывают, что теперь возможна интеграция всех модернистских процессов, происходящих в Европе, и отказ от бытовавшего ранее стремления разграничивать проявление модернизма в искусстве и культуре всех европейских стран.

Исследователи русского модернизма уверенно обнаруживают истоки его в национальном и европейском романтизме, и это дает основание многим авторам не только видеть общее происхождение русского и европейского модернизма, но и улавливать связи этих явлений и взаимовлияние. Русский романтизм рассматривается участниками проекта не только как восходящий к прозе Пушкина, Лермонтова, Гоголя, но и, в связи с полнотой и богатством его контрастов, к истокам европейского романтизма.

Работа над вышеназванным проектом позволила исследователям выделить два направления в методике сравнительного изучения: одно из них предполагает изучение межлитературных связей (интертекстуальность, литературные архетипы, историческая поэтика), другое – установление транслитературных взаимосвязей и структурных аналогий (литература и другие виды искусства, искусство и культура).

В работе К. Борера, историка, философа и издателя журнала «Меркур», «Насколько романтичен модернизм?» слышны отголоски начавшегося еще в 1970-е гг. процесса переосмысления понятий *романтизм* и *модернизм*. Исследователь обращается к раннеромантическому историко-философскому материалу, в частности к эстетическим «Фрагментам» Ф. Шлегеля и его изобретению «новой мифологии», которая «отменяет благоразумные понятия философских и политических выражений», чем уже способствует формированию модернистской эстетики. И в то же время устанавливает связь особых стилевых и поэтических феноменов романтизма с сюрреализмом, в частности – фантастического. К. Борер различает два вида фантастического, существовавшего в литературном творчестве немецкого романтизма: каузальное, как у Гофмана, и автономное, как у Ахима фон Арнима. Именно этим последним, по мнению автора, исключительно интересовались А. Бретон и Л. Арагон. Он устанавливает связь между романтической некаузальной фантастикой и сюрреалистическим понятием «*objét trouvé*» (случайно обнаруженный, редкий, бессмысленный предмет). В заключение К. Борер отправляется на поиски «дискурсивно-теоретических» параллелей между романтизмом и сюрреализмом и находит их в сфере мифологии. Чрезвычайно убедительно сравнивает он «новую мифологию» Ф. Шлегеля и «современную мифологию» Л. Арагона и утверждает, что у обоих очевиден отказ от рационального и интерес к загадочному. Вследствие анализа фантастической прозы А. фон Арнима исследователь приходит к выводу, что «теория сюрреализма нашла в нем родоначальника, как с поэтологической, так и с чувственно-философской точки зрения.

Профессор культурологи Бременского университета Вольфганг Штефан Киссель в статье «Модель внешности и художественный манифест (к русскому переводу «О дендизме и Георге Брэммеле» Ю.Б. Д'Оревильи)» обращается к переводу культурно-исторического очерка, опубликованного в 1912 г., в котором культивируется модель внешнего облика денди, ведущего превосходную игру с условностями. По мнению автора, время было несправедливо к этому произведению, имеющему большой потенциал для искусства и культуры в целом. Однако появившись в русском переводе, французский очерк об английском денди

Георге Брэммеле попал «прямо к чрезвычайно актуальному художественному поворотному моменту» постепенного заката символизма и громкого радикального наступления футуризма. Исследователь полагает, что культ дендизма мог восприниматься русским читателем как призыв к собственному символическому жизнетворчеству, к искуплению недооцененных возможностей личности.

В. Киссель устанавливает параллели между дендизмом начала XX в. и особым вариантом русского дэнди эпохи романтизма, выраженном в образе русского гусара П. Чаадаева и герое пушкинского романа «Евгений Онегин». Художественная предреволюционная богема в лице М. Кузмина, С. Дягилева, «мирискусстников», вплоть до футуристических изысков В. Маяковского, по его мнению, является естественным развитием романтических веяний. В заключении представлено детализированное изображение русского варианта общеевропейского феномена дендизма как четкого отклонения и «апокалиптически окрашенного предупреждения такими художниками, как Блок и Ахматова».

К философским корням русского модернизма обращен материал Хорста-Юргена Герика «Восток-Запад: Достоевский, Толстой, Тургенев и Чехов в межкультурном контексте». Особенностью русского варианта общеевропейского явления всегда считалось его формирование в литературе, точнее в романе, поэтому исследователь обращается к творчеству трех самых знаменитых русских романистов и драматургии Чехова. Исходя из новаторской повествовательной техники, с помощью которой эти писатели создают свои работы, Герик исследует их воздействие на западноевропейское и англо-американское культурное пространство. В писательской манере Достоевского видно влияние на киноповествовательную технику, которая в основном базируется на необходимости разъяснения и «прямо ведет в Голливуд к образному языку Дэвида Линча». По мнению автора, Достоевский стал крестным отцом многим авторам и кинорежиссерам: от Ф. Кафки через У. Фолкнера к Фрицу Лангу и Билли Уальдеру.

В Л. Толстом автор видит влиятельнейшего баталиста всех времен, чья повествовательная техника покоится на особом эффекте очуждения. Он оказал воздействие на Э. Золя, Дж. Дос Пассоса, Э. Хемингуэя и Н. Мейлора. Даже эпифания Тургенева в воспоминаниях и чеховское художественное понимание настоящего момента создает ряд межкультурных полей, которые исследуются автором. Он пытается найти объяснение до сих пор не прекращающемуся успеху драм Чехова и обнаруживает специфику изображения эмпирического человека. В конце своего исследования Герик вслед за М. Допперманн называет этих четырех авторов «стоящими у входа в модернизм фигурами».

Вторая часть этого проекта посвящена исследованиям теоретического характера, где русский модернизм рассматривается в связи с западной теорией литературы и культуры. Немецкие авторы отдают себе отчет в том, что русский модернизм представлен не только многообразием влиятельных течений в искусстве и культуре и яркими творческими личностями, но и целым рядом философов, теологов, художественных критиков и журналистов, – они возвели теоретический фундамент, на котором базируются художники в рамках эстетики европейского модернизма и постмодернизма.

Известный специалист по русскому символизму Криста Эберт в статье «Символизм à la russe, или насколько европейский символизм был русским?» обращается к культурно-теоретической системе русского символизма. По мнению исследовательницы, в противоположность своему европейскому «двойнику» рус-

ский модернизм не ограничивался художественным совершенствованием стиля в литературе и искусстве, а представлял собой некий феномен, проникавший во все сферы жизни и ставший основой оригинальной философской мысли, проложившей себе путь между национальной традицией и европейским модернизмом. В основе ее заключений при этом лежит не только очевидная франкофильская тенденция В. Брюсова и германофильская склонность А. Белого и Вяч. Иванова. Исследовательница идет дальше и прослеживает развитие русского символизма «от художественного направления до мировоззрения», включая программные работы поэтического наследия Эллиса, рассматривавшего философские положения Ницше как основу европейского символизма. Оригинальной стороной позиции немецкой исследовательницы является интерес к проблеме восприятия на Западе символизма *à la russe*: понять его и как особый образ жизни, тяготеющий к европейской традиции, и как философию, вобравшую в себя разнообразные западные тенденции.

Разочарованные в «безучастном поведении Запада», русские символисты такие как Вяч. Иванов, снова обращаются к национальной традиции, в то время как другие, Д. Мережковский например, остаются верными космополитической ориентации. В итоге К. Эберт утверждает, что русский символизм в своем стремлении к культурной революции сформировал некий образец поведения, который нашел отражение во всех сферах тогдашней жизни: философии, религии, даже политике.

Интересно обращение Бригит Обермайер к теме литературного постмодернистского дискурса в статье «Парадоксы участия: интертекстуальность и постмодернизм (А. Ахматова и Д.А. Пригов)». По ее мнению, цитирование, повторы, заимствования не могут служить исключительно признаками интертекстуальности. Автор предлагает определять отношение постмодернистского текста и его современного источника как «парадоксальное участие». Эта мысль доказывается поэтапно. Сначала исследуются возможности мемуарной литературы 1970-х гг. в России, затем устанавливается «граница текстуальной вместимости» между стихами Ахматовой и Пригова и на заключительном этапе рассматриваются постмодернистские последствия «отраженных на переломе дискурса фактов». Конечность модернистского дискурса как приема, по мнению исследовательницы, доводится в практике постмодернизма до «индекса излома». К такому выводу, впрочем довольно малоубедительному, Б. Обермайер приходит, исследуя многосторонние взаимосвязи постмодернистских текстов Пригова, использующих в качестве литературной основы поэзию Ахматовой, понимаемую как «текст памяти», не подверженный историческим изломам.

Насколько глубоко исследовательский скепсис, тоска и чувство изоляции русского модернизма коренятся в теоретической мысли романтизма, показано в статье Р. Гольдта «Романтическая религиозность искусства в дореволюционной России: “Заколдованный мир” в литературе, искусстве и философии». Автор противопоставляет религиозной утрате стремления романтизма к исконному смыслу тоску по обновлению и ставит вопрос: если секуляризация российского общества очевидна, то что происходит с феноменом околдования. Для анализа этого процесса используется принцип диахронического анализа и на примере творчества Новалиса и Пушкина, с одной стороны, и Сологуба и Блока вплоть до кубофутуристов и дадаистов *à la Hugo Ball*, с другой. На синхронном уровне исследователь соотносит чувство обмана, свойственное восприятию произведений модернизма,

и связанное с ним чувство «оволшебствления» во всех сферах духовной жизни России на рубеже веков.

В работе особенно подчеркивается стремление русских художников к «ресакрализации» в области философии (Розанов, Флоренский), искусстве (Кандинский, Малевич), музыке (Стравинский, Скрябин) и литературе (Блок, Вяч. Иванов), и вырисовывается необыкновенно многосторонняя картина отношений, соединений и взаимосвязей между русскими и европейскими модернистскими течениями.

Как уже отмечалось выше, основным пафосом данного проекта является интеграция русского модернизма в эстетическую систему европейского романтизма, который осмысливается исследователями как первая художественная альтернатива классике и классицизму.

В работах А. Гуски и Х. Любколь обращается внимание на посредническую роль романтической традиции в творчестве русских писателей как средства включения их произведений в литературный контекст соответствующей эпохи.

В статье «Начала. К понятию модернизма как категории историко-литературной» Х. Любколь пробует перейти зыбкую границу между эпохами и пересмотреть предложения по включению понятия модернизма в эстетическую концепцию романтизма. После довольно пространныго и, возможно, излишне подробного экскурса в многолетние дискуссии о понятии модернизма исследовательница на удачном примере стихотворения немецкого романтика йенской школы К. Брентано «Если бы хромой ткач мечтал, то он бы ткал» показывает динамичную включенность текста как в романтическую, так и модернистскую поэтику. Автор, желая преодолеть «шероховатости терминологической неразберихи», предлагает изменить датировку модернизма, чтобы «проблемный случай» со стихотворением К. Брентано не представлялся как «непонятный анахронизм». Ей также хочется и впредь рассматривать модернизм не только в синхроническом, но и в диахроническом аспекте, вплоть до отказа от применения к понятиям «классицистическое», «романтическое», «реалистическое» и «модернистское» временных рамок.

Влиянию романтической традиции на творчество писателей XX в. посвящена статья А. Гуски «Ненадежное пристанище. В.П. Катаев “Белеет парус одинокий” как текст воспоминаний». По мысли исследователя, цитата из Лермонтова создает особое пространство воспоминаний, связанных с неудавшимся восстанием на броненосце «Потемкин». Кроме этого автор выделяет и другое пространство воспоминаний – личное, в котором констатируется связь с чеховской «Степью», где герой также проделывает путь духовного становления. Для исследователя связь романтической символики с поэтикой социалистического реализма представляется вполне очевидной, так как, по его мнению, они «культурно идентичны русскому авангарду и русскому либерализму».

В проекте также принимают участие исследователи, обнаруживающие явное стремление вывести разговор о русском модернизме за рамки литературы и установить эстетическую связь с другими видами искусства.

Работа А. Парина «Три последние оперы Чайковского как первые цветы русского модернизма в музыке» обращена к музыкальной культуре и литературе. В частности, в «Пиковой даме» ощущается, по его мнению, влияние «мифа о Петербурге», в «Иоланте» – отголоски «Парсифаля» и «Тристана и Изольды», а в «Чародейке» – полифония Достоевского и драматургия Л. Андреева.

Г. Оберцаухер-Шуллер в статье «Ритм как основа русского театра авангарда. Сергей Волконский и музыкально-танцевальное движение» пишет о влиянии сво-

бодного русского танца на европейскую культуру, а Р. Грюбель касается влияния русского супрематизма Кандинского, Малевича и Филонова на американское концептуальное искусство и на минимализм в работе «Сокращение и усложнение средств и форм во времени и пространстве. Русская литература и живопись высокого модернизма в межкультурном контексте».

Как видно из выше изложенного, включение русского модернизма в контекст европейской культуры не представляется участникам проекта проблемой, вопрос в другом: насколько Европа подготовлена к восприятию этого уникального богатства, насколько знания европейца о России глубоки, чтобы обнаруживать подлинные ценности.

В традиционном интересе к литературе русского авангарда в последние десятилетия выделяются работы о Д. Хармсе и В. Хлебникове как о центральных фигурах этого направления.

Изданная еще в 1990-е гг. основополагающая работа Ж. Жаккара о творчестве Д. Хармса¹ дала импульс развитию его идей в работах ученых последних лет. В работах западноевропейских исследователей творчество Д. Хармса связывается с завершающим этапом русского авангарда, в котором наиболее очевидным стало проявление «вещественного» начала в литературных образах, связывающих его творчество с футуризмом, с одной стороны. С другой стороны, творчество Д. Хармса, по мнению ученых, явилось предтечей экзистенциальной составляющей европейской литературы абсурда².

В произведениях В. Хлебникова ученых привлекают прежде всего его историко-философские взгляды, в которых находят отражение как архетипические (индийские), так и современные (Е. Блаватская, А. Белый) идеи циклического развития времени, но, в отличие от них, у писателя отсутствуют метафизические составляющие религиозных или оккультных парадигм. Это проявляется в риторических особенностях его символических и теософских текстов, как, например, в «Числах»³. Особый интерес исследователей вызвали «Доски судьбы», которым было посвящено несколько выпусков журнала «Рашен литераче»⁴.

Современный литературный процесс традиционно обращает на себя наибольшее внимание западноевропейской критики. Исследовательский интерес вызывают преимущественно следующие темы: соотношение реализма и модернизма; писатель и власть; литература и коммерция; литературные премии; литературный критик и коммерция; антигерой; самоубийство и смерть; интертекстуальность.

¹ Jaccard J.-Ph. Daniil Harms et la fin de l'Avantgarde russe. Bern, 1991.

² См.: Hansen-Löwe A. «Wir sind alle aus, Pljuškins Haufen' hervorgekrochen...»: Ding – Gegenstand – Ungegenständlichkeit – Unding // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 71. Wien, 2008. S. 251–346; Witte G. Die Verletzlichkeit der Dinge. Am Beispiel russischer Erzählungen der 1920er und 1930er Jahre // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 71. Wien, 2008. S. 51–86; Lehmann G. Fallen und Verschwinden. Danielk Charms. Leben und Werk. Wuppertal: Arco Verlag, 2010 (Arco Wissenschaft. Bd. 20. Sonderband). 735 S.

³ См.: Niederbudde A. Mythopoetik und Wissenschaft des Todes im Werk Velemir Chlebnikovs // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2007. № 60. S. 275–294; Obermeyer B. Tod und Zahl. Transitive und intransitive Operationen bei V. Chlebnikov und D.A. Prigov // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2005. № 56. S. 209–286; Werberger A. Kandinskij trifft ein buntes Volk, Chlebnikov lässt Nixen singen, oder: das Primitive als Evidenzerzeuger des Modernen // Wiener Slavistischer Almanach. 2012. Bd. 69. S. 173–197.

⁴ См.: Russian Literature. Amsterdam, 2008. V. 1. № 1; 2008. V. 64. № 3/4; 2009. V. 66. № 3; 2010. V. 68. № 1/2.

Однако прежде всего перед критиками стоит вопрос о качестве современного русского литературного процесса. Одни утверждают, что постсоветская литература – «скандальная деградация незыблемой модели великой русской классической литературы»¹, другие же говорят, что на руинах социалистического реализма возникают произведения романтического, конструктивистского, метафорического постмодернизма и магического, игрового, фантастического реализма². За этим проглядывает единый структурный принцип противостояния «искусства для искусства» и «искусства как отражения жизни». В произведениях русского постмодернизма исследователи отмечают в большей степени влияние западной литературы и ориентацию на поэтику «классического» модернизма 1920–1930-х гг. Исследователями отмечается образная метафоричность М. Булгакова в произведениях В. Пелевина, многоплановость А. Платонова у Л. Петрушевской, сложный синтаксис В. Набокова у В. Сорокина³. На содержательном уровне – тяготение к вселенским обобщениям, к «вечным» темам, отказ от тотальной иронии.

По мнению западноевропейских критиков, стратегия новых модернистов направлена на представление универсального образа мира, не претендующего на стирание границ между искусством и действительностью. Это неизбежно приводит к откровенной традиционности, чем обусловлена опасность впадения в излишнюю монотонность, декоративность, инерционность слишком «правильного» языка («Матисс» А. Илического, «2017» О. Славниковой, «Венерин волос» М. Шишкина). Исследователи признаются в неспособности определить творческий метод этих произведений, склоняясь то к «онтологическому реализму», то к «онтологическому модернизму»⁴.

В работах, посвященных современному литературному процессу, все более очевидным становится сравнительный подход к анализу произведений русских писателей. Показательна в этом плане статья Д. Буркхарт о вариациях на тему гоголевской «Шинели» в романе В. Маканина «Андерграунд» (1998) и рассказа немецкого писателя У. Тимма «Пальто» («Das Mantel», 1999)⁵. По ее мнению, помимо центрального, гоголевского мотива «шинели», представляющей собой символ двойничества, некоей другой половины человеческой сущности, в обоих современных романах возникают «религиозно-этические, философско-метапоэтические и экологически-цивилизационно критические аспекты», требующие обсуждения. Так, полагает Д. Буркхарт, проявляется интертекстуальная сущность современной европейской литературы.

Тот же сопоставительный принцип лежит и в основе работы Л. Каткус «Комическая агония. Гротеск в позднесоциалистической литературе»⁶. В ней автор обращается к приему гротеска как «средству изображения сильного общественного

¹ Glanc T. Achtung! Hier endet die Literatur // Wiener Slavistischer Almanach. 2012. Bd. 69. S. 229–246.

² Poynter E. Prostranstvo: Intimer und öffentlicher Raum, Kosmos und Chaos in der russischen Literatur. Frankfurt a. M.: Peter Lang. GmbH, 2015.

³ Ljunggren A. Closing the Circle: On the Poetics of Contemporary Russian Prose // Russian Literature. 2009. V. 65. № 4. P. 451–466; Rutten E. Post-Communist Society and Sorokin's «Trilogy» // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 79. Wien, 2012. S. 27–56; Kolesnikoff N. Menippean Satire in Russian Postmodern Prose // Russian Literature. 2008. V. 64. № 1. P. 47–60.

⁴ Kasper K. Megapolos versus Provinz. Russlands Gegensätze im Roman // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2008. Bd. 58. № 11. S. 129–154.

⁵ Burkhart D. Das Phantasma des Mantels Gogol', Timm, Makanin // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2005. Bd. 55. № 11. S. 95–106.

⁶ Katkus L. Komische Agonie. Das Groteske in der spätsozialistischen Literatur // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2012. Bd. 62. № 9. S. 87–96.

интереса» и сопоставляет «Москва-Петушки» Вен. Ерофеева, «Малый Апокалипсис» Т. Конвицки и «Вильнианс Покерис» Р. Гавела, в которых гротеск служит изображению распада «бредовой, пьяной, мертвой и безумной мечты» завершающейся эпохи.

Сравниваются А. Геласимов с У. Фолкнером и Э. Хемингуэйем, М. Шолоховым и Ю. Бондаревым; Е. Попов и А. Левкин с Г. Майринком; А. Иличевский с Р. Музилем; М. Шишкин с Т. Манном¹.

Наибольшее количество откликов у современных критиков вызывает творчество И. Бродского, В. Сорокина, В. Пелевина и Л. Петрушевской.

И. Бродский представляет интерес для тех исследователей, которые склонны к структурному анализу, их привлекает поэтическое мастерство поэта, преемственность его творчества лучшим образцам русской поэзии². Работы о книгах Л. Петрушевской также обращены к изучению их поэтики и особенностей стиля³.

Творчество В. Сорокина и В. Пелевина всегда рассматривается как «другая» литература⁴. Встречаются и крайние точки зрения: одна из них принадлежит автору статьи «Внимание! Здесь кончается литература» Т. Гланцу⁵. В ней автор указывает на предтечу этого направления в русской литературе писателя Т. де Квинси, создавшего «Исповедь англичанина, употребляющего опиум». По его мнению, «возможности психоделической литературы, совмещающей фиксацию точных данных с видениями измененного сознания, обогащают технику художе-

¹ Kasper K. Vorwärts zur Retrokultur! Russische Literatur und Literaturpreise 2009 // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2010. Bd. 60. № 6. S. 131–160; Kasper K. Aus den Biographien geschuldert Literatur und literarisches Leben in Russland 2002 // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003. Bd. 53. № 4. S. 536–554; Kasper K. Megapolos versus Provinz. Russlands Gegensätze im Roman // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2008. Bd. 58. № 11. S. 129–154; Kasper K. Wo kommen wir her? Wo gehen wir hin? Russland und Schriftsteller Zwischen West und Ost // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2005. Bd. 55. № 11. S. 107–123.

² См.: Baumgärtner I. Wasserzeichen: Zeit und Sprache im lyrischen Werke Iosif Brodskijs. Köln; Böhlau, 2007 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. Bd. 56). 385 S.; Herlth Jens. Ein Sänger gebrochener Linien. Iosif Brodskijs dichterische Selbstschöpfung. Köln; Böhlau, 2004, (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. Bd. 47). 385 S.; Huber Petra. Verrat oder Vermittung? Iosif Brodskij als Doppelspion der Kultur // Osteuropa. Berlin; Stuttgart. 2006. Bd. 56. № 3. S. 105–120; Nivat G. Tsvetaeva & Brodskii: Two Types of References to the Bible // Cahiers du Monde Russe. Paris, 1998. V. 39. № 4. P. 593–604; Venclova T. Über den «Königsberg-Text» der russischen Literatur und die Königsberg-Gedichte von Iosif Brodskij // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003. Bd. 53. № 2/3. S. 159–177.

³ См.: Balz N. Zwischen Schock und Spiele. Narrative Möglichkeiten in der Kurzprosa Ljudmila Petruševskajas. München: Verlag Otto Sagner, 2003. 269 S. (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. 44); Balz N. Erzählinstanz und aktiver Leser in der Mikroerzählungen von Ljudmila Petruševskaja // Zeitschrift für Slavistik. 2000. № 2(45); Nohejl R. Ljudmila Petruševskaja Erzählung «Slučaj Bogorodicy» und die These vom Sowjetmatriarchat: Versuch einer psychoanalytischen Dichtung // Zeitschrift für Slavistik. 2000. № 2(45); Warnke M. «Das Netz, das bleibt...». Zur Bedeutung des geschriebenen Wortes in Ljudmila Petruševskajas Erzählung «Vremja noč» // Slavica Litteraria. Festschrift für Gerhard Giesemann zum 65. Geburtstag. Wiesbaden, 2002. Opera slavica. NF 43. S. 385–394.

⁴ Rutten E. Post-Communist Society and Sorokin's «Trilogy» // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 79. Wien, 2012. S. 27–56; Schrubba M. Zur Typologie intertextueller Verfahren (Čechov bei Akunin, Sorokin, Głowacki und Mamet) // Zeitschrift für Slavistik. 2008. № 4(53). S. 438–455; Strätling S. Hypermnemonik. Puškin-Bilder bei Dovlatov, Bitov und Sorokin // Wiener Slavistischer Almanach. Wien. 2000. № 45. S. 151–174; Uffelmann D. Marina Himmelfahrt und Liquidierung. Erhöhung und Erniedrigung in Sorokins Roman «“Tridcataja ljubo” Mariny» // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2003. № 51. S. 289–335; Mních L. Числовая символика в творчестве Виктора Пелевина // Миргород; Lausanne, 2014. № 2(4). С. 75–84.

⁵ Glanc T. Achtung! Hier endet die Literatur // Wiener Slavistischer Almanach. 2012. Bd. 69. S. 229–246.

ственного изображения», но эта литература изображает не истину, а служит лишь «средством передачи измененного ощущения психоделического процесса».

В последние годы литературные обозреватели на Западе стали обращать внимание на русскую критику не только как на источник первичной информации и мнений о русской литературе, но и как на самостоятельное явление российского литературного процесса. Основные вопросы вызывают параметры оценки литературных произведений, так как для западноевропейской критики они являются важным составляющим элементом литературно-критической работы, в которой они видят элементы семиотического, эстетического и читательского анализа.

По мнению исследователей, современная российская критика «сильно коммерциализировалась». Судьбу литературного произведения теперь определяют премии, а не критический разбор и читательская оценка. К тому же «ощущается недостаток внятного профессионального анализа литературного материала, предметного объяснения художественной и общественной значимости произведений»¹. В России происходит расширение эстетических норм и форм, и процесс этот сопровождается уменьшением количества компетентных молодых критиков. Обращается внимание на то, что в российской печати представлена смесь цинизма, идеологизации и современного экстремизма, полная «этико-моральной безответственности». Западноевропейские критики высказывают сожаление, что в современной России так и не получили развитие плюрализм мнений и уважение к читателю определенной части интеллектуалов.

Высказываются упреки в неоднородности литературного материала. С одной стороны, ошутима приватизация книжного рынка, а с другой – значение печатного слова в России изменилось: теперь печатается огромными тиражами массовая литература и книги «с минимальными требованиями качества»².

И все же выводы западноевропейских специалистов о состоянии русской литературы вполне оптимистичные. По их мнению, новейшая русская литература является еще одной исторической проверкой и подтверждением общих законов функционирования литературной эволюции, где новизна, рождаясь на радикальном разрыве с традицией, обретает весь свой смысл лишь через динамику преемственности. На смену социалистическому реализму приходит эпоха литературы многоязычия и разноречия как освобождение. «Постсоветская литература играет в вавилонскую башню, отстаивая множественность языков: ненормативная лексика, жаргон, арг, новояз, лингвистический «пэтчворк»³.

Сведения об авторе:

Вера Владимировна Сорокина,
доктор филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vera V. Sorokina,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
vvsoroko@gmail.com

¹ Menzel B. Blick durch ein deutsches Teleskop. Russische Literaturkritik im Wandel // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003. Bd. 53. № 9–10. S. 1295–1307.

² Dubin B. Mass und Macht // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003. № 9–10. S. 1281–1294.

³ Фортель де ла А. Законы литературной эволюции. К вопросу изучения новейшей русской литературы // Миргород; Lausanne, 2014. № 1(3). С. 70.